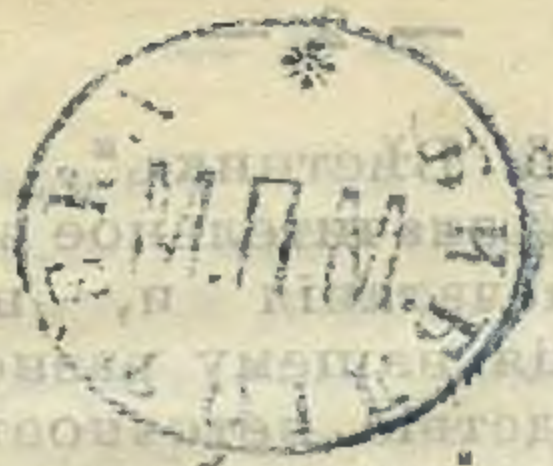
A 199/724

2007099179

Ф 199.
724.



По поводу пребыванія Петра Великаго и Екатерины II въ Казани.

Помѣщенное въ № 317 „Казанскихъ Вѣстей“ сообщеніе высокоуважаемаго моего учителя, заслуженнаго профессора Н. Н. Булича о Дрябловскомъ домѣ заставляетъ меня сказать въ печати нѣсколько словъ о томъ же пресловутомъ вопросѣ, не имѣющемъ, конечно, особо важнаго значенія, но тѣмъ не менѣе сдѣлавшимся предметомъ маленькой полемики, можетъ быть вслѣдствіе словъ, произнесенныхъ мною въ думѣ при обсужденіи доклада объ арендѣ этого дома.

Прежде всего я долженъ сознаться, что нѣсколько поздно узналъ объ этой полемикѣ и о томъ, что двое сотрудниковъ „Волжскаго Вѣстника“ (скрывающіеся подъ именами „Миролюбова“ и „Грамотнаго человѣка“) сдѣлали мнѣ честь, обративъ (одинъ въ фельетонѣ, другой въ спеціальной статьѣ) очень серьезное вниманіе на репортерскую редакцію моей рѣчи по этому вопросу. Я, рѣдко имѣя подъ руками га-

[Казань, 1891]

зету „Волжскій Вѣстникъ“, узналъ объ этихъ статьяхъ значительное время спустя послѣ ихъ напечатанія и, не придавая особаго значенія нашему разногласію, возникшему вслѣдствіе неточности сообщенія репортера, не считалъ нужнымъ занимать столбцы газетъ спорами и разсужденіями, по всему вѣроятію, для читателя мало интересными. Притомъ, въ области полемики, у меня привычка, можетъ быть дурная, не отвѣчать ни репортерамъ, ни тѣмъ авторамъ, которые скрываются подъ псевдонимами, или подъ анонимами, какою бы солидною ученостью они не обладали, высказывая правду или неправду (для меня это безразлично) по поводу моихъ работъ, моихъ рѣчей, или моихъ поступковъ въ качествѣ общественнаго дѣятеля.

Теперь же, когда даннаго вопроса коснулся ученый, подписавшій свое авторитетное имя, я позволяю себѣ высказать, что недоразумѣніе по поводу моихъ взглядовъ на то, кто жилъ и кто не жилъ въ Дрябловскомъ домѣ было вызвано неточностью сообщенія репортера, некстати прибавившаго отъ себя слово „тогда“ по поводу Дворянск. дома, въ которомъ останавливалась Екатерина II. Тогда онъ дѣйствительно былъ не Дворянскимъ, а Дрябловскимъ и я съ своей стороны не думаю опровер-

гать ни Баженова, ни Рыбушкина, ни прочихъ, писавшихъ и до днесь пишущихъ о казанской старинѣ. Но вопросъ, чисто топографическій, заключается въ томъ, гдѣ находился этотъ домъ и въ немъ-ли 45 годами раньше останавливался Петръ Великій?

Понятно, надо прежде всего установить мѣсто расположенія дома, гдѣ временно помѣщался Великій Императоръ отъ 27 до 30 мая 1722 г. Профессоръ Н. Н. Буличъ совершенно справедливо заключаетъ, что собственно къ этому преданію о пребываніи Петра въ домѣ, гдѣ теперь помѣщается Макашинскій трактиръ, можно отнестись лишь съ большой вѣроятностью. Я прибавилъ бы отъ себя, что, выражаясь нѣсколько точнѣе, слѣдовало бы говорить: въ домѣ, на той мѣстности, гдѣ возникли послѣ Дрябловскія постройки и которыя принадлежатъ теперь городскому обществу Несомнѣнно, что страшные пожары, бывшіе въ Казани въ XVIII и XIX столѣтіяхъ, преимущественно свирѣпствовавшіе въ той части города, гдѣ красуется сооруженный въ 1726 г. Петропавловскій соборъ, рядомъ съ освященной въ 1708 г. теплою церковью Козьмы и Дамьяна, не только коснулись Михляевскаго, а потомъ Дряблоскаго дома, но совершенно видоизмѣнили распланировку той мѣст-

ности. Мы знаемъ, напр. изъ духовнаго завѣщанія Ивана Аѳанасьевича Михляева и храмосоздателя Петропавловскаго собора, что въ его время соборъ не былъ заслоненъ постройками съ трехъ сторонъ, а выходилъ на три улицы: Воскресенскую, Гостинодворскую, Петропавловскую, и только съ западной стороны, по спуску, прилегали дворы съ деревянными и каменными постройками Михляева. Съ этой стороны былъ, конечно, тотъ домъ, гдѣ останавливался Петръ Великій, который отсюда ходилъ въ гости въ большой домъ Михляева, гдѣ получилъ подарокъ отъ именитаго торговца, пригодившійся въ персидскомъ походѣ[1]). Очевидно, у Михляева было много домовъ, пригодныхъ для жилья, и хорошо обставленныхъ. Опредѣлить точно ихъ нельзя: дома могли быть вблизи черезъ улицу съ южной стороны и нѣсколько далѣе. Но вѣрно одно, что отъ этихъ домовъ не осталось ничего (а въ томъ числѣ отъ дома, гдѣ жилъ Императоръ Петръ Первый), кромѣ обгорѣлыхъ стѣнъ въ пожары 1742 г. (который начался именно въ Петропавловскомъ приходѣ у настоятеля

[1]) Аналогичное сказаніе приводится и по поводу пребыванія Петра I въ Астрахани. Несомнѣнно мы имѣемъ дѣло не съ историческимъ фактомъ, а съ преданіемъ.

собора), 1749 г , и, (въ послѣдующее время послѣ поѣздки Екатерины II-й), отъ пожаровъ позднѣйшихъ, пугачевскаго бунта (1774 г.), 1815 г., когда впродолженіи 12 час были истреблены 9 большихъ церквей, въ томъ числѣ Петропавловскій соборъ и до 1000 зданій, 1842 г., когда съ Проломной улицы огонь перешелъ по Петропавловской на Воскресенскую, и когда едва удалось отстоять университетъ [2]). Цѣлый рядъ перестроекъ и распланировокъ постигъ тотъ кварталъ, который почти цѣликомъ принадлежалъ Дрябловымъ, наслѣдникамъ Михляева, а потомъ Осокинымъ. Я хочу этимъ сказать, что казанскіе археологи могутъ говорить только *о мѣстѣ* прежняго Михляевскаго дома, но не о самомъ домѣ, не о стѣнахъ, не о фасадѣ его, такъ какъ эти стѣны и фасадъ передѣлывались и измѣнялись нѣсколько разъ и съ современными Петру I не имѣютъ ничего общаго. Нисколько не покушаясь отрицать самое мѣсто, я только съ этой стороны коснулся въ думѣ пребыванія Петра I въ Казани.

Перехожу къ Императрицѣ Екатеринѣ II.

---

[2]) *Рыбушкинъ.* Исторія Казани. II, 7—17.
Любарскій. Сборникъ др. Каз. епархіи, 100.
Баженовъ. Каз. исторія II. 71, 85, 115.
Маловъ. Истор. описаніе церквей г. Казани.

Профессоръ Н. Н. Буличъ, примыкая ко мнѣ, категорически опровергнулъ преданіе о томъ, что императрица останавливалась въ томъ самомъ домѣ, гдѣ временно пребывалъ Петръ Великій и полагаетъ, что она проживала въ домѣ, принадлежавшемъ наслѣдникамъ Дряблова, Осокинымъ, которые въ 1767 г. не были еще внесены въ дворянскую книгу. Онъ устанавливаетъ фактъ, что надпись, о которой говорится по этому поводу, онъ видѣлъ въ 40-хъ годахъ не въ томъ домѣ, гдѣ находится теперь Макашинскій трактиръ. Помимо этого солиднаго и рѣшающаго указанія, недостаточно обоснованными представляются доводы, кои приводятъ антагонисты, анализируя письменные источники. Екатерина II, въ письмѣ къ графу Панину, (на которое они же ссылаются), описывая свои впечатлѣнія, говоритъ, что она живетъ въ большомъ купеческомъ домѣ съ анфиладою комнатъ, притомъ на самомъ возвышенномъ пунктѣ, откуда открывается видъ и пр. Подходитъ ли это къ обстановкѣ нынѣшняго Дрябловскаго дома? Гдѣ эта анфилада, гдѣ эта возвышенная мѣстность? Съемки показываютъ совершенно противное, а именно, что сравнительно съ окрестными пунктами эта мѣстность одна изъ низкихъ, а не высокихъ. Скорѣе всего

въ этомъ смыслѣ домъ, занимаемый теперь судебной палатой, подходитъ къ описанію, сдѣланному знаменитой путешественницей.

Если такимъ образомъ источники не даютъ намъ возможности даже съ приблизительной точностью заключить, гдѣ былъ тогда домъ Дряблова, въ которомъ жила Екатерина II, то понятно, что позднѣйшія пособія опираются только на преданіе.

Рыбушкинъ, авторитетъ не особенно серьезный (II, 132), говоритъ, что императрица отправилась въ назначенный для нея домъ, *близъ* церкви св. апостолъ Петра и Павла, (а не около, не рядомъ), принадлежавшій тогда содержателю суконной фабрики Дряблову, а потомъ дворянскому собранію. Здѣсь очевидно пропускъ именъ цѣлаго ряда владѣльцевъ этого дома. Несомнѣнно Н. Н. Буличъ правъ, когда говоритъ, что дворянство пріобрѣло этотъ домъ не отъ Дряблова, а отъ Осокиныхъ. Но мы не понимаемъ причины, почему почтенный ученый игнорируетъ тотъ фактъ, что дворянское собраніе въ годы, имъ указанные (1817—42), помѣщалось не въ томъ кварталѣ, гдѣ красуется соборъ, а по близости церкви, на другой сторонѣ улицы. Это знаютъ всѣ старожилы. Документальнымъ доказа-

тельствомъ могутъ служить купчія крѣпости, имѣющіяся у Г. С. Пискунова, настоящаго владѣльца дома, сосѣдняго съ домомъ Соболева. Одна изъ этихъ купчихъ лежитъ предо мною и относится къ 18 октября 1840 г. Въ ней между прочимъ читаемъ, что купецъ 2-й гильдіи Сергѣй Пискуновъ „пріобрѣлъ домъ отъ В. И. Панаева, домъ доставшійся послѣднему по наслѣдству и по раздѣлу послѣ родного дяди подполковника Страхова и состоящій въ 1 й части г. Казани *между домомъ дворянскаго собранія* и штабсъ-ротмистра Теренина имѣющій мѣрою“ и т. д. Доказательство безспорное. Казанскіе старожилы хорошо знаютъ, что здѣсь именно въ эти самые годы устраивались съѣзды и вечера. Рыбушкинъ и Баженовъ разумѣли, смѣемъ полагать, этотъ домъ, когда говорили о домѣ дворянства, ранѣе Дрябловскомъ, ибо они какъ современники знали, гдѣ было тогда дворянское собраніе.

Они не предполагали, что мѣстные изслѣдователи 40 лѣтъ спустя сдѣлаютъ довольно смѣлое обобщеніе и будутъ во что бы то ни стало стараться водворить Императрицу Екатерину II тамъ, гдѣ жилъ ея великій предшественникъ, будто это необходимо для полноты исторіи. Народное преданіе дѣйствительно любитъ совмѣ-

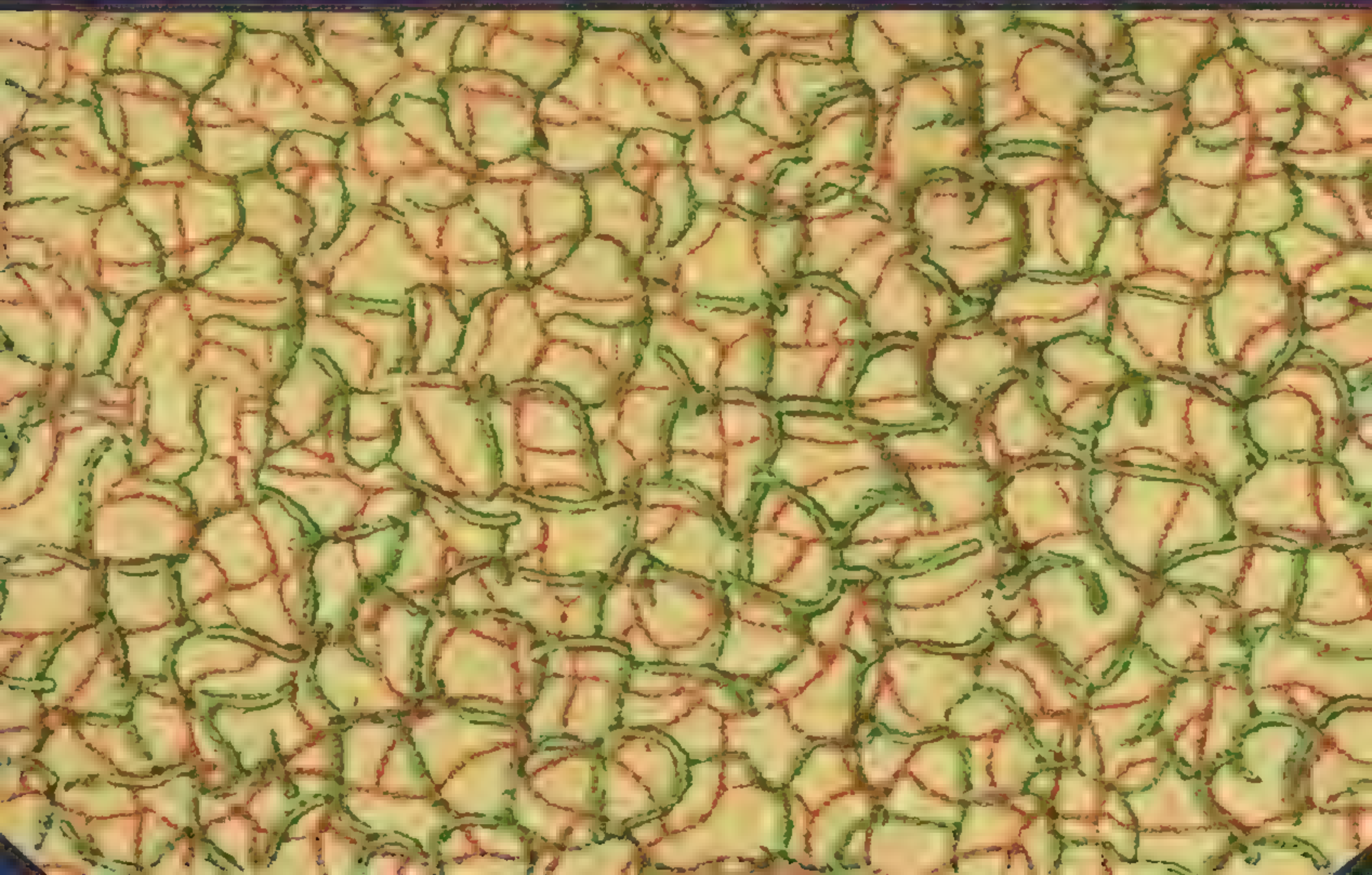
щать представленія о великихъ людяхъ и любимыхъ дѣятеляхъ, освѣщая ихъ повсюду лучами одного свѣта, но серьезный анализъ заставляетъ отказываться отъ такихъ обобщеній. Приходится разрушать такія иллюзіи путемъ критики матеріала и въ этихъ пріемахъ мы не усматриваемъ ничего вреднаго. Можетъ быть со временемъ найдется кое-что въ архивахъ казанскаго дворянства, для болѣе точнаго опредѣленія мѣста домовъ, гдѣ собирались дворяне послѣ Екатерининскаго наказа съ 1767 г. А можетъ быть для опредѣленія топографіи домовъ Михлиева обнаружатся данныя въ Писцовыхъ книгахъ, извлеченіе изъ коихъ для города Казани, сдѣланное Невоструевымъ, хранится въ библіотекѣ вдѣшней духовной академіи.

Впрочемъ, мы злоупотребили любезностью Редакціи и вниманіемъ читателей. Повторяемъ, вопросъ самъ по себѣ далеко не существенный, но нѣтъ такого маленькаго вопроса въ области какого бы то ни было знанія, который не представлялъ бы собою извѣстной доли интереса.

Н. Осокинъ.

Дозволено цензурою. Казань, 20 ноября 1891г.
Перспеч. изъ газ. „Каз. Вѣсти".

Типографія П. А. ИЛЬЯШЕНКО.



A 199/724

2007099179

Ф. 139.
724.

По поводу пребыванія Петра Великаго и Екатерины II въ Казани.

Помѣщенное въ № 317 „Казанскихъ Вѣстей“ сообщеніе высокоуважаемаго моего учителя, заслуженнаго профессора Н. И. Булича о Дрибловскомъ домѣ заставляетъ меня сказать въ печати нѣсколько словъ о томъ же прословутомъ вопросѣ, не имѣющемъ, конечно, особо важнаго значенія, но тѣмъ не менѣе сдѣлавшимся предметомъ маленькой полемики, можетъ быть вслѣдствіе словъ, произнесенныхъ мною въ думѣ при обсужденіи доклада объ арендѣ этого дома.

Прежде всего я должень сознаться, что нѣсколько поздно узналъ объ этой полемикѣ и о томъ, что двое сотрудниковъ „Волжскаго Вѣстника“ (скрывающіеся подъ именами „Миролюбова“ и „Грамотнаго человѣка“) сдѣлали мнѣ честь, обративъ (одинъ въ фельетонѣ, другой въ спеціальной статьѣ) очень серьезное вниманіе на репортерскую редакцію моей рѣчи по этому вопросу. Я, рѣдко имѣя подъ руками га-

Каз

зету „Волжскій Вѣстникъ“, узналъ объ этихъ статьяхъ значительное время спустя послѣ ихъ напечатанія и, не придавая особаго значенія нашему разногласію, возникшему вслѣдствіе неточности сообщенія репортера, не считалъ нужнымъ занимать столбцы газетъ спорами и разсужденіями, по всему вѣроятію, для читателя мало интереснымъ. Притомъ, въ области полемики, у меня привычка, можетъ быть дурная, не отвѣчать ни репортерамъ, ни тѣмъ авторамъ, которые скрываются подъ псевдонимами, или подъ анонимами, какою бы солидною ученостью они не обладали, высказывая правду или неправду (для меня это безразлично) по поводу моихъ работъ, моихъ рѣчей, или моихъ поступковъ въ качествѣ общественнаго дѣятеля.

Теперь же, когда даннаго вопроса коснулся ученый, подписавшій свое авторитетное имя, я позволяю себѣ высказать, что недоразумѣніе по поводу моихъ взглядовъ на то, кто жилъ и кто не жилъ въ Дрябловскомъ домѣ было вызвано неточностью сообщенія репортера, некстати прибавившаго отъ себя слово „тогда“ по поводу Дворянск. дома, въ которомъ останавливалась Екатерина II. Тогда онъ дѣйствительно былъ не Дворянскимъ, а Дрябловскимъ и я съ своей стороны не думаю опровер-

гать ни Баженова, ни Рыбушкина, ни прочихъ, писавшихъ и до днесь пишущихъ о казанской старинѣ. Но вопросъ, чисто топографическій, заключается въ томъ, гдѣ находился этотъ домъ и въ немъ-ли 45 годами раньше останавливался Петръ Великій?

Понятно, надо прежде всего установить мѣсто расположенія дома, гдѣ временно помѣщался Великій Императоръ отъ 27 до 30 мая 1722 г. Профессоръ Н. П. Буличъ совершенно справедливо заключаетъ, что собственно къ этому преданію о пребываніи Петра въ домѣ, гдѣ теперь помѣщается Макашинскій трактиръ, можно отнестись лишь съ большой вѣроятностью. Я прибавилъ бы отъ себя, что, выражаясь нѣсколько точнѣе, слѣдовало бы говорить: въ домѣ, на той мѣстности, гдѣ возникли послѣ Дрябловскія постройки и которыя принадлежатъ теперь городскому обществу Несомнѣнно, что страшные пожары, бывшіе въ Казани въ XVIII и XIX столѣтіяхъ, преимущественно свирѣпствовавшіе въ той части города, гдѣ красуется сооруженный въ 1726 г. Петропавловскій соборъ, рядомъ съ освященной въ 1708 г. теплою церковью Козьмы и Дамьяна, не только коснулись Михляевскаго, а потомъ Дрябловскаго дома, но совершенно видоизмѣнили расплапировку той мѣст-

ности. Мы знаемъ, напр. изъ духовнаго завѣщанія Ивана Аѳанасьевича Михляева и храмосоздателя Петропавловскаго собора, что въ его время соборъ не былъ заслоненъ постройками съ трехъ сторонъ, а выходилъ на три улицы: Воскресенскую, Гостинодворскую, Петропавловскую, и только съ западной стороны, по спуску, прилегали дворы съ деревянными и каменными постройками Михляева. Съ этой стороны былъ, конечно, тотъ домъ, гдѣ останавливался Петръ Великій, который отсюда ходилъ въ гости въ большой домъ Михляева, гдѣ получилъ подарокъ отъ именитаго торговца, пригодившійся въ персидскомъ походѣ[1]). Очевидно, у Михляева было много домовъ, пригодныхъ для жилья, и хорошо обставленныхъ. Опредѣлить точно ихъ нельзя: дома могли быть вблизи черезъ улицу съ южной стороны и нѣсколько далѣе. Но вѣрно одно, что отъ этихъ домовъ не осталось ничего (а въ томъ числѣ отъ дома, гдѣ жилъ Императоръ Петръ Первый), кромѣ обгорѣлыхъ стѣнъ въ пожары 1742 г. (который начался именно въ Петропавловскомъ приходѣ у настоятеля

[illegible]

[1]) Аналогичное сказаніе приводится и по поводу пребыванія Петра I въ Астрахани. Несомнѣнно мы имѣемъ дѣло не съ историческимъ фактомъ, а съ преданіемъ.

собора), 1749 г , и. (въ послѣдующее время послѣ поѣздки Екатерины II-й), отъ пожаровъ позднѣйшихъ, пугачевскаго бунта (1774 г.), 1815 г., когда впродолженіи 12 час были истреблены 9 большихъ церквей, въ томъ числѣ Петропавловскій соборъ и до 1000 зданій, 1842 г., когда съ Проломной улицы огонь перешелъ по Петропавловской на Воскресенскую, и когда едва удалось отстоять университетъ [2]). Цѣлый рядъ перестроекъ и распланировокъ постигъ тотъ кварталъ, который почти цѣликомъ принадлежалъ Дряблову мъ, наслѣдникамъ Михляева, а потомъ Осокинымъ. Я хочу этимъ сказать, что казанскіе археологи могутъ говорить только *о мѣстѣ* прежняго Михляевскаго дома, но не о самомъ домѣ, не о стѣнахъ, не о фасадѣ его, такъ какъ эти стѣны и фасадъ передѣлывались и измѣнялись нѣсколько разъ и съ современными Петру I не имѣютъ ничего общаго. Нисколько не покушаясь отрицать самое мѣсто, я только съ этой стороны коснулся въ думѣ пребыванія Петра I въ Казани.

Перехожу къ Императрицѣ Екатеринѣ II.

---

[2]) *Рыбушкинъ.* Исторія Казани. II, 7—17.
Любарскій. Сборникъ др. Каз. епархіи, 100.
Баженовъ. Каз. исторія II. 71, 85, 115.
Маловъ. Истор. описаніе церквей г. Казани.

Профессоръ Н. Н. Буличъ, примыкая ко мнѣ, категорически опровергнулъ преданіе о томъ, что императрица останавливалась въ томъ самомъ домѣ, гдѣ временно пребывалъ Петръ Великій и полагаетъ, что она проживала въ домѣ, принадлежавшемъ наслѣдникамъ Дряблова, Осокинымъ, которые въ 1767 г. не были еще внесены въ дворянскую книгу. Онъ устанавливаетъ фактъ, что надпись, о которой говорится по этому поводу, онъ видѣлъ въ 40-хъ годахъ не въ томъ домѣ, гдѣ находится теперь Макашинскій трактиръ. Помимо этого солиднаго и рѣшающаго указанія, недостаточно обоснованными представляются доводы, кои приводятъ антагонисты, анализируя письменные источники. Екатерина II, въ письмѣ къ графу Панину, (на которое они же ссылаются), описывая свои впечатлѣнія, говоритъ, что она живетъ въ большомъ купеческомъ домѣ съ анфиладою комнатъ, притомъ на самомъ возвышенномъ пунктѣ, откуда открывается видъ и пр. Подходитъ ли это къ обстановкѣ нынѣшняго Дрябловскаго дома? Гдѣ эта анфилада, гдѣ эта возвышенная мѣстность? Съемки показываютъ совершенно противное, а именно, что сравнительно съ окрестными пунктами эта мѣстность одна изъ низкихъ, а не высокихъ. Скорѣе всего

въ этомъ смыслѣ домъ, занимаемый теперь судебной палатой, подходитъ къ описанію, сдѣланному знаменитой путешественницей.

Если такимъ образомъ источники не даютъ намъ возможности даже съ приблизительной точностью заключить, гдѣ былъ тогда домъ Дряблова, въ которомъ жила Екатерина II, то понятно, что позднѣйшія пособія опираются только на преданіе.

Рыбушкинъ, авторитетъ не особенно серьезный (II, 132), говоритъ, что императрица отправилась въ назначенный для нея домъ, *близъ* церкви св. апостолъ Петра и Павла, (а не около, не рядомъ), принадлежавшій тогда содержателю суконной фабрики Дряблову, а потомъ дворянскому собранію. Здѣсь очевидно пропускъ именъ цѣлаго ряда владѣльцевъ этого дома. Несомнѣнно Н. Н. Буличъ правъ, когда говоритъ, что дворянство пріобрѣло этотъ домъ не отъ Дряблова, а отъ Осокиныхъ. Но мы не понимаемъ причины, почему почтенный ученый игнорируетъ тотъ фактъ, что дворянское собраніе въ годы, имъ указанные (1817—42), помѣщалось не въ томъ кварталѣ, гдѣ красуется соборъ, а по близости церкви, на другой сторонѣ улицы. Это знаютъ всѣ старожилы. Документальнымъ доказа-

тельствомъ могутъ служить купчія крѣпости, имѣющіяся у Г. С. Пискунова, настоящаго владѣльца дома, сосѣдняго съ домомъ Соболева. Одна изъ этихъ купчихъ лежитъ предо мною и относится къ 18 октября 1840 г. Въ ней между прочимъ читаемъ, что купецъ 2-й гильдіи Сергѣй Пискуновъ „пріобрѣлъ домъ отъ В. И. Панаева, домъ доставшійся послѣднему по наслѣдству и по раздѣлу послѣ родного дяди подполковника Страхова и состоящій въ 1 й части г. Казани *между домомъ дворянскаго собранія* и штабсъ-ротмистра Теренина имѣющій мѣрою“ и т. д. Доказательство безспорное. Казанскіе старожилы хорошо знаютъ, что здѣсь именно въ эти самые годы устраивались съѣзды и вечера. Рыбушкинъ и Баженовъ разумѣли, смѣемъ полагать, этотъ домъ, когда говорили о домѣ дворянства, ранѣе Дрябловскомъ, ибо они какъ современники знали, гдѣ было тогда дворянское собраніе.

Они не предполагали, что мѣстные изслѣдователи 40 лѣтъ спустя сдѣлаютъ довольно смѣлое обобщеніе и будутъ во что бы то ни стало стараться водворить Императрицу Екатерину II тамъ, гдѣ жилъ ея великій предшественникъ, будто это необходимо для полноты исторіи. Народное преданіе дѣйствительно любитъ совмѣ-

щать представленія о великихъ людяхъ и любимыхъ дѣятеляхъ, освѣщая ихъ повсюду лучами одного свѣта, но серьезный анализъ заставляетъ отказываться отъ такихъ обобщеній. Приходится разрушать такія иллюзіи путемъ критики матеріала и въ этихъ пріемахъ мы не усматриваемъ ничего вреднаго. Можетъ быть со временемъ найдется кое-что въ архивахъ казанскаго дворянства, для болѣе точнаго опредѣленія мѣста домовъ, гдѣ собирались дворяне послѣ Екатерининскаго наказа съ 1767 г. А можетъ быть для опредѣленія топографіи домовъ Михлиева обнаружатся данныя въ Писцовыхъ книгахъ, извлеченіе изъ коихъ для города Казани, сдѣланное Невоструевымъ, хранится въ библіотекѣ здѣшней духовной академіи.

Впрочемъ, мы злоупотребили любезностью Редакціи и вниманіемъ читателей. Повторяемъ, вопросъ самъ по себѣ далеко не существенный, но нѣтъ такого маленькаго вопроса въ области какого бы то ни было знанія, который не представилъ бы собою извѣстной доли интереса.

Н. Осокинъ.

Дозволено цензурою. Казань, 20 ноября 1891г.
Перепеч. изъ газ. „Каз. Вѣсти“.

Типографія Н. А. ИЛЬЯШЕНКО.